ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННОГО, АДМИНИСТРАТИВНОГО И ФИНАНСОВОГО ПРАВА

УДК 342 DOI: 10.22394/2074-7306-2019-1-3-30-38

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ПРАВОПОРЯДОК В ЦЕННОСТНОМ ИЗМЕРЕНИИ

Акопов Леонид Владимирович доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой «Основы правоведения», Донской государственный технический университет (344000, Россия, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1). E-mail: norin.gospravo@yandex.ru

Курочкин Андрей Викторович кандидат юридических наук, доцент, Южно-Российский институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: zam.director@uriu.ranepa.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу понятия и сущности демократического правопорядка в его аксиологическом измерении. Обосновывается авторская трактовка принципов и элементов демократического правопорядка на основе ключевых положений современного российского конституционализма, высказываются критические замечания по поводу некоторых дискуссионных сюжетов в научных публикациях, сформулированы и классифицированы критерии эффективности демократического правопорядка.

Ключевые слова: *демократический правопорядок, правовое государство, права и свободы личности, конституционная законность, народовластие, конституционные принципы, обязанности граждан, гражданское общество, правосознание, правовая культура, демократический режим, ценность правопорядка, аксиология права.*

Сегодня мало кто вспоминает послание Президента России Федеральному Собранию от 6 марта 1997 года с симптоматичным названием «Порядок во власти – порядок в стране (О положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации)»[1]. Однако именно в этом доктринальном акте в числе шести основных приоритетов государства первым был обозначен именно «правовой порядок», подразумевавший собой наряду с наведением порядка в работе органов публичной власти также и порядок в нормотворчестве, усиление контрольной функции государства, оптимизацию исполнительной власти etc.

В тексте этого же документа содержались следующие сохраняющие свою актуальность и в наши дни тезисы, а именно:

- Рыночные отношения захватили сферы, для них противопоказанные. Когда «Свободная купля-продажа» распространяется на принятие законов, действия чиновников, решения судов, это не только безнравственно, но и смертельно опасно для общества и государства.
- Эффективное рыночное хозяйство – это не только свобода частной инициативы, но и строгий правовой порядок, единые, стабильные и неукоснительно соблюдаемые всеми правила экономической деятельности. Задача государства – установить эти правила и обеспечить их выполнение.
- Конституция ограничила возможность власти подмять общество и стала реальным инструментом, с помощью которого граждане отстаивают свои права. Прежде чем менять Конституцию, нужно научиться ее уважать, научиться жить по ней, используя весь ее потенциал.

[1] www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16983/.

России нужен порядок. Однако необходимо ответить на два непростых вопроса: какой порядок и как его наводить?

Абсолютное большинство возникших проблем в России порождено, с одной стороны, пренебрежительным отношением к правовым нормам, а, с другой – неумелыми действиями власти или ее пассивностью.

– В этих условиях порядок в стране начнется только с наведения порядка в самом государственном организме. Не повысив качество управления, не решить другие проблемы, главная из которых – улучшение жизни россиян. У этого приоритета есть простое, короткое имя – Правовой порядок[1] (подчеркнуто нами, – *Л.А.*, *А.К.*).

Однако поставленные таким образом задачи формирования должного правопорядка в Российском государстве и спустя более двух десятилетий после их оглашения так и остались нереализованными.

Чтобы разобраться в причинах такого положения дел, обратимся сначала к научной теории общего правопорядка в государстве и его аксиологической характеристике. Уместно здесь напомнить о том, что еще свыше ста пятидесяти лет тому назад известный французский ученый середины XIX века профессор в College de France Эдуар Лабулэ писал:

«Известно, что порядок есть первая потребность страны… Известно также, что интересы вообще, и самый священный для нас труд в особенности, должны быть удовлетворены; необходимо, чтобы народ работал, чтобы чувство безопасности господствовало в умах, а порядок на улице» [1, с. II].

Он же постулировал следующее:

«Будучи ревностным поборником законной власти, мы верим, что она необходима для установления порядка, для обеспечения спокойствия, для уважения законов; мы охотно готовы предоставить правительству нужную ему власть, будучи убеждены, что там, где царствует анархия, нет места для свободы. Но, с другой стороны, также искренно уверены, что свобода не ослабляет силу власти. Свобода – вещь совершенно иная; она состоит в праве каждого индивидуума развивать себя самого, делать все то, что позволяют ему физические, умственные и нравственные силы… Нам кажется, что сила государства ни что иное, как сумма сил индивидуальных и что сила индивидуума составляет силу государства… Государство сильно не потому, что гражданин раб, но вследствие того, что имеет достаточные средства для поддержания независимости извне и порядка внутри» [1, с. XXV – XXVI].

Другой известный французский исследователь права и политики конца XIX – начала XX века Морис Ориу обстоятельно проанализировал «понятие объективного правопорядка, самостоятельно устанавливающегося в политической области…» [2, с. 21 – 40].

Рассматривая понятие правового порядка, объективно и самостоятельно устанавливающегося в публичной области, Ориу формулирует такие три положения:

«1. Существует правовой порядок, отделимый от политического порядка вещей и имеющий целью внести в последний долю справедливости.
2. Правовой порядок может осуществлять справедливость в политических учреждениях не иначе, как введя в них правовые состояния.
3. Необходимо, чтобы эти правовые состояния устанавливались сами собой» [2, с. 21 – 22].

Последнее утверждение, на наш взгляд, весьма спорно в той части, в которой предполагает спонтанный характер становления правовых состояний в органах публичной власти наряду с иными политическими учреждениями.

Вместе с тем вполне можно согласиться с тезисом Ориу, в соответствии с которым «правовой порядок вводит справедливость в существующее положение вещей» посредством объективных равновесий, ведущих к правовым состояниям; при этом он особо выделяет такой вид объективного равновесия, как «правовой строй» или «государство, подчиненное правовому режиму», обеспечивающий общее равновесие политических и юридических сил в государстве, реализуемое в пользу сил юридических» [2, с. 24 – 25].

[1] www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16983/.

Отмечая, что понятие правового строя или государства, подчиненного правовому режиму (Rechtsstaat), выступающего основой объективного публичного права, складывалось на протяжении ¾ столетия, Ориу утверждал, что речь идет в этом случае о подчинении власти правовому порядку [2, с. 27].

Комментируя «Чистое учение о праве» Ганса Кельзена, В.С. Нерсесянц отмечал: «Правовая власть – в интересах индивидов и правового сообщества в целом – предписывает определенное человеческое поведение только потому, что считает его (верно или ошибочно) ценным для правового сообщества людей. Правопорядок предусматривает, что при определенных условиях (при противоправных действиях) должны быть осуществлены определенные меры принуждения» [3, с. 589] (подчеркнуто нами, – *Л.А., А.К.).*

По Г. Кельзену, как указывает В.С. Нерсесянц, «Основная норма, представляющая собой основания действительности правопорядка, соотносится лишь с такой конституцией, которая есть основа действенного принудительного порядка» [3, с. 590].

Характеризуя так называемую «познавательно-критическую теорию права» австрийских юристов, В.С. Нерсесянц обращал внимание на их суждение о том, что «Правопорядок всегда выступает с притязанием быть *общественно правильным долженствованием*. В рамках демократического мировоззрения это включает в себя требование, что право как целое *акцентировано правосознанием народа*» [3, с. 642].

Ограничившись таким весьма кратким ретроспективным экскурсом, обратимся к рассмотрению взглядов на эту проблему видных современных российских исследователей. Обратим внимание на емкую формулу Г.В. Мальцева, утверждающего, что конечной целью права, скорее всего, выступает «*упорядочение общественных отношений, создание правопорядка*, в рамках которого линия правомерного поведения обеспечивалась бы легко и непринужденно, по возможности саморегулятивно, без активного участия официальных норм» [4, с. 555].

«Поэтому требования юридических норм, – пишет Г.В. Мальцев, – должны идти дальше должных действий, иметь в виду в конечном счете *должный порядок*. Высших своих целей право достигает не тогда, когда люди подчиняются нормам, не откланяются от их требований, но когда в обществе устанавливается *должный порядок вещей*, предначертанный и предписанный юридическими нормами. Для определения последних мы зафиксируем еще одну важную позицию: *норма права есть требование должного к поведению людей, а также к порядку вещей, создаваемому и поддерживаемому в процессе социальной деятельности*. Указание на порядок вещей (ordo rerum) в данном определении диктуется, во-первых, высшими целями правовой регуляции, связанными с упорядочением общественных отношений, во-вторых, конструктивным разнообразием юридических норм, включенных в различные нормативные правовые акты. Дело в том, что многие нормы никаких прямых требований к поведению людей не содержат, никаких предписаний им не дают, но указывают на некий порядок, который должен быть и которого требует закон. Поскольку правовые акты не могут описывать этот порядок посредством дескриптивных высказываний, он обозначается пунктирно, штрихами, иногда в одной или нескольких (но далеко не во всех) чертах. В качестве примера приведем положения Конституции РФ: «Конституция Российской Федерации и федеральные законы имеют верховенство на всей территории Российской Федерации (ч. 2 ст. 40); «Федеральное Собрание Российской Федерации состоит из двух палат – Совета Федерации и Государственной Думы» (ст. 94). Данный тип конституционной нормы фиксирует должный порядок, отступление от которого явилось бы серьезным правонарушением» [4, с. 555 – 556] (подчеркнуто нами. – *Л.А.*, *А.К.*).

Не вполне соглашаясь со словами «пунктирно» и «штрихами» в процитированном тексте в части их соотнесения с императивными нормами Конституции России, заметим, что охарактеризованный подобным образом правопорядок вполне можно назвать демократическим, исходя из демократической надклассовой природы современной Конституции Российской Федерации.

В этом смысле нами полностью разделяется четкая позиция О.Е. Кутафина, подчеркнувшего, что: «Действующая Конституция РФ в принципе соответствует стандартам

правовой государственности, особенно в том, что касается прав человека, их гарантий и защиты. Однако она сможет быть полностью реализована только тогда, когда в нашей стране сформируются нормальное гражданское общество и эффективная судебная защита Конституции, когда Конституция станет не просто совокупностью декларативных и нормативных установлений, а фундаментальными правилами правового общения, которые должны постоянно применяться и конкретизироваться в процессе непрерывного формирования и развития правопорядка» [5, с. 197].

Употребляя понятие «правопорядок» в сочетании с прилагательным «демократический», мы считаем необходимым специально подчеркнуть более высокий уровень развития правопорядка, который приобретая демократический (т.е. происходящий от признания принципа народовластия) характер, выступает антиподом тоталитарному и авторитарному (производному от воли монарха) типам правопорядка. В такой его трактовке демократический правопорядок является наглядным и действенным выражением демократического режима в государстве, сущностными чертами которого служат: конституционное провозглашение высшей ценностью человека, его прав и свобод вкупе с государственными гарантиями их соблюдения и реализации; политический и идеологический плюрализм; обеспечивающий многопартийность (в том числе деятельность оппозиционных партий); свободные выборы и периодическая сменяемость органов публичной власти в центре и на местах; гарантии конституционности и законности принятия социально значимых решений и их подконтрольность обществу, соблюдение принципа разделения и взаимодействия ветвей власти, функционирование институтов прямой и представительной демократии, наличие демократической судебной системы и гарантирование доступности судебной защиты прав человека.

Уместно здесь также напомнить о провидческом предупреждении А.К. Дживелегова, который в самом начале XX-го столетия писал: «Обладание народом законодательной властью не есть гарантия того, что существует правовой порядок; даже в республиках может существовать самый необузданный деспотизм, а административно-полицейский режим в конституционных монархиях служит очень часто орудием фактического самодержавия. Для того, чтобы в государстве воцарился правовой порядок, чтобы государство стало правовым государством, должна быть ограничена самая государственная власть, независимо от формы правления» [6, с. 41 – 42] (подчеркнуто нами. – *Л.А., А.К.).*

Что касается ограничения самой государственной власти, то это следует понимать как действия (деятельность) государственных органов в соответствии с предписаниями права, основанного в свою очередь на принципах ограничения произвола публичных властей и их представителей. Следовательно, как верно отмечает А. Шайо, «произвольные решения государства и его представителей запрещены» [7, с. 206].

«Конституционализм, – как резюмирует этот же автор, – поскольку он не только пользуется юридическими средствами ограничения власти, но является и носителем содержательных ценностей (свободы), может, по крайней мере отчасти, смягчить одностороннее, чуждое жизни, негибкое верховенство права… Необходимо во всех отношениях облечь государственную волю в юридическую форму, иными словами, право должно распространяться и на государственные органы… Об уровне законности правового государства можно судить по тому, насколько однозначны нормы, относящиеся к деятельности государственных органов, в какой мере они располагают правом действовать по собственному свободному усмотрению, особенно если эти государственные органы затрагивают своей деятельностью права человека» [7, с. 208 – 209].

Вместе с тем необходимо и активное участие самих граждан в общем деле установления демократического правопорядка. Гражданину следует включаться в сферу политики и действовать в ней с четким осознанием того, что (говоря словами Л.С. Мамута): «без его соответствующих личных усилий не возникнут и не упрочатся демократические институты публичной власти, не установится правовой порядок, люди не получат возможность в должном объеме осуществлять и защищать свои права и свободы» [8, с. 128 – 129].

«Сердцевина гражданственности…, – по определению Л.С. Мамута, – идея равнозначности для существования современного демократически-правового порядка как

прав и свобод отдельного гражданина, так и прав и свобод публичновластной ассоциации всех свободных полноправных граждан» [8, с. 130] (подчеркнуто нами. – *Л.А.*, *А.К.*).

В указанном контексте следует обратить внимание на весьма дискуссионную и внутренне алогичную позицию по проблематике теории и практики правопорядка диссертацию В.Н. Казакова [9]. Он, в частности, усматривает различия государственного правопорядка как результата деятельности государства и «правопорядок как результат массовой стихийной социальной деятельности людей по установлению правовых взаимоотношений», называемый им «гражданским правопорядком» [9, с. 12].

«Гражданский, неофициальный правопорядок, – утверждает В.Н. Казаков, – складывается, с одной стороны, вследствие общественной реакции на официальный правопорядок как результат законопослушной деятельности людей, а, с другой стороны, он складывается вследствие массовой правовой практики вступающих в социальные связи конкретных субъектов» [9, с. 12]. Такое противопоставление государственного правопорядка и т.н. «гражданского» правопорядка (который, на наш взгляд, уместнее было бы называть общественным правопорядком») создает не только теоретический тупик, но и контрпродуктивно для юридической практики. И уж совсем трудно согласиться с мнением В.Н. Казакова в части его трактовки существования так называемого «неофициального правопорядка» в контексте его же концепции «правового плюрализма», из чего он делает вывод о методологическом значении отстаивания этого утверждения, как якобы напрямую выводящего теоретика на «проблемы правового государства, демократизации общества, либерализации общественных ценностей» [9, с. 13].

Однако, подобного рода логика рассуждений, по нашему мнению, скорее открывает дорогу возвращению небезызвестного лозунга «Анархия – мать порядка».

Обращает на себя внимание и вынесенное на защиту 14-е положение автореферата диссертации того же автора, как то: «Несомненный методологический характер имеет разрешение вопроса о том, является ли преступность антиподом правопорядка, его разрушителем, или она может быть рассмотрена как составная часть, элемент правопорядка» [9, с. 15] (подчеркнуто нами. – *Л.А.*, *А.К.*). Ну чем не гамлетовский вопрос: «Быть или не быть?!» Говоря серьезно, заметим принципиальную некорректность тезиса В.Н. Казакова, т.к. здесь не уместен союз «или», ибо преступность ни при каких условиях не может считаться составной частью правопорядка, невзирая ни на какую методологию. Если, конечно же, вести речь именно о демократическом правопорядке, а не о его антиподах.

Как верно отмечено Е.Н. Рахмановой, «преступность является формой нарушения прав человека; противодействие преступности является одним из основных направлений защиты прав человека; неэффективность защиты прав человека при реализации государством уголовной и криминологической политики может быть расценена как нарушение международных обязательств этого государства; соблюдение прав человека способствует снижению уровня преступности; борьба за права человека может быть криминальной по формам своего выражения; ограничение прав человека выступает в качестве условия и средства предупреждения преступности; предупреждение преступности не может и не должно сопровождаться нарушением прав человека» [10, с. 25].

Укажем здесь и на формулировку Конституционного Суда Российской Федерации, включенную в его Определение от 19 июня 2007 г. № 591-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Фирсовой Марии Александровны на нарушение ее конституционных прав пунктом «а» части первой статьи 78 Уголовного кодекса Российской Федерации», а именно: «В силу статей 1, 2, 55 (часть 3), 71 (пункты «в», «о») и 76 (часть 1) Конституции Российской Федерации как демократическом правовом государстве в целях регулирования и защиты прав и свобод человека и гражданина, обеспечение законности, правопорядка и общественной безопасности законодательно устанавливаются уголовно-правовые запреты совершения общественно опасных деяний, уголовное преследование и наказание за их нарушение»[1].

[1] htpps://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1684321/

По мнению О.П. Сауляка, «сущность правопорядка заключается в том, что он, будучи одной из форм проявления социального порядка, отражает степени а) подчиненности общественных отношений действующим юридическим предписаниям; б) устойчивости государственных и общественных институтов, функционирующих на основе права; в) использования участниками правоотношений принадлежащих им субъективных прав и надлежащего исполнения возложенных на них юридических обязанностей; г) возможности индивидов, иных социальных субъектов адаптироваться к изменяющимся условиям правовой жизни без кардинального пересмотра ценностных ориентаций и серьезного ущерба для собственных интересов» [11, с. 14 – 15].

Этот же исследователь, анализируя причины множественности социально-ценностных характеристик правопорядка и критерии его эффективности, аргументирует тезис о том, что «понимание социальной ценности правопорядка сопряжено с разноплановыми потребностями и интересами, нравственными ориентирами, чувствами и экспектациями субъектов права», каждый из которых по его мнению, имеет собственную заинтересованность в том или ином правопорядке [11, с. 16]. В этом случае указанный автор, по нашему мнению, гипостазирует значение плюрализма аксиологических и телеологических характеристик сущности по отношению к такому типу правопорядка, как демократический правопорядок (так как он трактует правопорядок в универсальном его смысле).

На наш взгляд, ключевыми критериями эффективности демократического правового порядка следует считать прежде всего следующие: максимальная степень соответствия фактического правопорядка конституции демократического правового государства с республиканской формой правления, приоритетные восприятия действующего в стране правового порядка общественным сознанием как справедливого и легитимного, гарантирующего всемерную защиту прав и свобод человека и гражданина, отстаивающего ценности достоинства личности. Это вполне подтверждается исследованием, проведенным Институтом социологии РАН в 2013 году, по результатам которого был сделан следующий вывод: «Современные россияне вовсе не тянутся к «уравниловке». Их мечта о справедливом и разумно организованном обществе тесно связана с тем, что записано в Конституции относительно прав человека, демократии, свободы самовыражения и т.д. Большинство граждан при этом уверено, что именно государство способно всё это обеспечить и в конце концов установить порядок и справедливость» [12, с. 11].

Демократический правопорядок в современной России должен служить построению правового государства и развитого гражданского общества, гарантировать воспитание законопослушных граждан, всемерно способствовать повышению уровня их юридической культуры и правосознания, содействовать искоренению правового нигилизма и правонарушающего поведения.

Ключевыми задачами и аксиологическими ориентирами демократического правопорядка следует считать:

- создание условий и обеспечение неукоснительного соблюдения и прямого действия Конституции Российской Федерации;
- гарантирование режима законности на всей территории государства;
- всемерное обеспечение и защита всего спектра прав и свобод человека и гражданина, а также исполнения конституционных обязанностей членами общества;
- эффективная деятельность судебной ветви власти, прокуратуры и органов охраны правопорядка в полном соответствии с требованиями конституционного законодательства;
- бескомпромиссная борьба с преступностью и иными правонарушениями, противодействие всем видам угроз безопасности и защищенности личности, государства, иным социальным институтам, субъектам предпринимательской и другой общественно полезной деятельности;
- формирование подлинного правосознания и правовой культуры у граждан, повышение профессионализма и качества юридической деятельности правоприменителей.

Важнейшим принципом демократического правопорядка и его ценностной характеристикой следует считать единство законности и демократизма. Правопорядок немыслим в обход соблюдения принципа законности, демократизм же правопорядка выражается в том, что в основу деятельности всех органов публичной власти (как государственных, так и муниципальных) положен конституционный постулат об осуществлении российским народом принадлежащей ему власти через формы прямой и представительной демократии. Таким образом, имеет место как должное взаимодействие и взаимодополняемость принципов демократизма и законности в подлинно демократическом правопорядке. Как государство, так и граждане вкупе с институтами гражданского общества ответственны за поддержание демократического правопорядка и конституционной безопасности страны в целом.

Мы также разделяем вывод Б.С. Эбзеева о том, что конституционные права и свободы вполне можно квалифицировать и как объективные принципы общего правопорядка [13, с. 260]. В то же время следовало бы уточнить, что речь идет о демократическом правопорядке вкупе с его ценностным восприятием.

Было бы, конечно, неверным ограничиться только абстрактно-теоретическими рассуждениями на тему значимости установления демократического правопорядка в Российском государстве. Утверждению такого правопорядка препятствуют весьма серьезные факторы и реалии. Ведь важно серьезно проанализировать совокупность имеющихся экономических, технических и социальных ресурсов, которыми располагают государство и члены общества для демократического правового ведения любых дел и реализации насущных потребностей.

Как верно было отмечено свыше двадцати лет тому назад Г.В. Атаманчуком: «Бедность, ограниченность элементарных материальных продуктов, постоянное напряжение от мысли, как бы свести концы с концами, убожество условий труда, мертвящий сельский быт и другие реалии российского бытия… вряд ли способствуют демократическому поведению людей и вдохновляют их в борьбе за демократию» [14, с. 113]. Следовательно, делает он вывод о необходимости заложить основания демократии в экономической сфере, создав условия для сопричастности каждого человека к собственности, способной поддерживать его жизнедеятельность и обеспечивать ему достойный уровень благосостояния [14, с. 121].

В этом смысле нами разделяется высказанное в литературе суждение А.А. Кененова, а именно: «Потребности функционирования общества, необходимость организации материального и духовного производства, политического управления, поддержания и укрепления порядка в общественной жизни, регулирования отношений между людьми, установления связей между общественными и политическими институтами, отношения с иными государственными системами – вот основные факторы, определяющие главное во взаимодействии (сущность, характер, масштаб) государства и права» [15, с. 362].

Завершая наше изложение, полагаем возможным сформулировать обобщающий тезис о том, что именно демократический правопорядок призван объединить в единую систему нормативной регуляции государство и право, выступив тем самым в роли сердцевины правовой государственности.

Литература

1. *Лабулэ Э*. Государство и его пределы в связи с современными вопросами администрации, законодательства и политики. СПб.: Изд-во Н.И. Ламанского, 1867. 170 с.
2. *Ориу Морис*. Основы публичного права: Монография. М.: ИНФРА-М, 2013. 574 с.
3. *Нерсесянц В.С.* Философия права. М.: Издательская группа ИНФРА М–НОРМА, 1997. 516 с.
4. *Мальцев Г.В*. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. 800 с.
5. *Кутафин О.Е*. Российский конституционализм. М.: Норма, 2008. 544 с.
6. *Дживелегов А.К*. Конституция и гражданская свобода // Конституционное государство. Сб. ст. 2-е изд. СПб., 1905. 585 с.
7. Шайо Андраш. Самоограничение власти (краткий курс конституционализма): Пер. с венг. М.: Юристъ, 2001. 292 с.

8. *Мамут Л.С.* Народ в правовом государстве. М.: Изд-во НОРМА, 1999. 151 с.
9. *Казаков В.Н.* Правовой порядок в юридической теории и практике. Автореф. диссертации на соискание ученой степени д.ю.н. по спец-ти 12.00.01. М.: Моск. ун-т МВД России, 2003. 55 с.
10. *Рахманова Е.Н.* Права человека. Преступность. Глобализация. Опыт комплексного криминологического исследования: Монография. М.: Российская академия правосудия, 2009. 192 с.
11. *Сауляк О.П.* Сущность правопорядка: теоретико-методологическое исследование. Автореф. дис. … доктора юридических наук по специальности 12.00.01. М., РАНХиГС при Президенте РФ, 2010. 53 с.
12. Академик РАН Михаил Горшков – о том, зачем нужна социология и какую цену имеет для власти человек // Российская газета. 2013. 8 ноября. № 252.
13. *Эбзеев Б.С.* Конституция, власть и свобода в России: Опыт синтетического исследования. М.: Проспект, 2014. 336 с.
14. *Атаманчук Г.В*. Новое государство: поиски, иллюзии, возможности. М.: «Славянский диалог», 1996. 223 с.
15. Проблемы теории государства и права / Под ред. М.Н. Марченко. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. 656 с.

Akopov Leonid Vladimirovich, doctor of jurisprudence, professor, head of the department of "Fundamentals of jurisprudence", Don state technical university (1, Gagarin Square, Rostov-on-Don, 344010, Russian Federation).
E-mail: norin.gospravo@yandex.ru

Kurochkin Andrey Viktorovich, Candidate of science of law, Associate Professor, the South-Russian Institute of Management – branch of the Presidential Academy of the National Economy and Public Administration (70, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation).
E-mail: zam.director@uriu.ranepa.ru

THE DEMOCRATIC LEGAL ORDER AS A VALUE

Abstract

Article is devoted to the analysis of a concept and essence of democratic legal order in its axiological measurement. The author's interpretation of the principles and elements of democratic legal order on the basis of key provisions of modern Russian constitutionalism is proved, critical remarks pass an opinion on some debatable plots in scientific publications, criteria of efficiency of democratic legal order are formulated and classified.

Keywords: *democratic legal order, the constitutional state, the human rights and personal freedoms, the constitutional legality, democracy, the constitutional principles, duties of citizens, civil society, sense of justice, legal culture, democratic regime, law and order value, an axiology it is right.*

References

1. Labule E. Gosudarstvo i ego predely v svyazi s sovremennymi voprosami administracii, zakonodatel'stva i politiki. SPb.: Izd-vo N.I. Lamanskogo, 1867. 170 s.
2. Oriu Moris. Osnovy publichnogo prava: Monografiya. M.: INFRA-M, 2013. 574 s.
3. Nersesyanc V.S. Filosofiya prava. M.: Izdatel'skaya gruppa INFRA M–NORMA, 1997. 516 s.
4. Mal'cev G.V. Social'nye osnovaniya prava. M.: Norma, 2007. 800 s.
5. Kutafin O.E. Rossijskij konstitucionalizm. M.: Norma, 2008. 544 s.
6. Dzhivelegov A.K. Konstituciya i grazhdanskaya svoboda // Konstitucionnoe gosudarstvo. Sb. st. 2-e izd. SPb., 1905. 585 s.
7. SHajo Andrash. Samoogranichenie vlasti (kratkij kurs konstitucionalizma): Per. s veng. M.: YUrist", 2001. 292 s.
8. Mamut L.S. Narod v pravovom gosudarstve. M.: Izd-vo NORMA, 1999. 151 s.
9. Kazakov V.N. Pravovoj poryadok v yuridicheskoj teorii i praktike. Avtoref. dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni d.yu.n. po spec-ti 12.00.01. M.: Mosk. un-t MVD Rossii, 2003. 55 s.

10. Rahmanova E.N. Prava cheloveka. Prestupnost'. Globalizaciya. Opyt kompleksnogo kriminologicheskogo issledovaniya: Monografiya. M.: Rossijskaya akademiya pravosudiya, 2009. 192 s.
11. Saulyak O.P. Sushchnost' pravoporyadka: teoretiko-metodologicheskoe issledovanie. Avtoref. dis. … doktora yuridicheskih nauk po special'nosti 12.00.01. M., RANHiGS pri Prezidente RF, 2010. 53 s.
12. Akademik RAN Mihail Gorshkov – o tom, zachem nuzhna sociologiya i kakuyu cenu imeet dlya vlasti chelovek // Rossijskaya gazeta. 2013. 8 noyabrya. № 252.
13. Ebzeev B.S. Konstituciya, vlast' i svoboda v Rossii: Opyt sinteticheskogo issledovaniya. M.: Prospekt, 2014. 336 s.
14. Atamanchuk G.V. Novoe gosudarstvo: poiski, illyuzii, vozmozhnosti. M.: «Slavyanskij dialog», 1996. 223 s.
15. Problemy teorii gosudarstva i prava / Pod red. M.N. Marchenko. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Norma: INFRA-M, 2012. 656 s.

УДК 342.41 DOI: 10.22394/2074-7306-2019-1-3-38-44

О СИСТЕМЕ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ, ЗАКРЕПЛЕННЫХ В ПРЕАМБУЛАХ КОНСТИТУЦИЙ БЫВШИХ РЕСПУБЛИК СССР

Линкин Виктор Николаевич кандидат юридических наук, доцент кафедры «Теория и истории государства и права», Донской государственный технический университет (344010, Россия, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1). E-mail: linkinviktor@gmail.com

Аннотация

В статье на основе комплексного использования сравнительного, статистического и герменевтического методов исследования, с целью получения синергетического эффекта, проведены исследования преамбул конституций вновь образованных государств постсоветского периода. Автором предложена оценка содержания преамбул конституций, как первоисточника общественных запросов, рефлексирующего на особенностях государственной политики, концентрата целей и задач, поставленных обществом перед собой и государством. Анализ смыслового содержания понятий «гражданский мир» и «национальное согласие» из преамбул конституций выявляет скрытый смысл посланий народов, населяющих постсоветские государства.

Ключевые слова: *конституция, преамбула, постсоветские государства, права и свободы, гражданский мир, национальное согласие, языковые единицы, герменевтика, общественный запрос, разрешение конфликтов.*

Конец двадцатого века был ознаменован распадом многонациональных государств (СССР, Югославия, Чехословакия). Государства, вышедшие из их состава, искали теперь уже свой собственный путь развития. После распада СССР на соответствующей территории возникли 15 новых (или хорошо забытых старых) государств. Каждое государство теперь руководствовалось только своими интересами и интересами своего народа.

В современной России и во многих постсоветских государствах СССР укоренилось мнение, что распад союза – это геополитическая катастрофа. Распад СССР отразился на всех сферах жизнедеятельности общества. Образование новых суверенных государств было нежданным событием не только для власти СССР, но и в первую очередь для его населения.

В течение 1992 года пять вновь образованных государств приняли собственные конституции (Латвия, Туркменистан, Литва, Эстония, Узбекистан). Бойкот прибалтийскими республиками «Всесоюзного референдума о сохранении СССР» 17 марта 1991 года предшествовал провозглашению государственного суверенитета, в отличие от Туркме-